

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин

...И вот пришла весна. Обычная – добрая и бестолковая, как недозрелая девка.

В переулках на селе – грязь в колено. Люди ходят вдоль плетней, держась руками за колья. И если ухватится за кол какой-нибудь дядя из Заготската, то и останется он у него в руках, ибо дяди из Заготската все почему-то как налитые, с лицами красного шершавого сукна. Хозяева огородов матерятся на чем свет стоит.

– Тебе, паразит, жалко сапоги измарать, а я должен каждную весну плетень починять?!

– Взял бы да накидал камней, если плетень жалко.

– А у тебя что, руки отсохли? Возьми да накидай...

– А, тогда не лайся, если такой умный.

А ночами в полях с тоскливым вздохом оседают подонпревшие серые снега.

А в тополях, у речки, что-то звонко лопается с тихим линкующим звуком: "Пи-у".

Лед прошел по реке. Но еще отдельные льдины, блестя на солнце, скребут скользкими животами каменистую дресву; а на изгибах речных льдины вылезают ноздреватыми синими мордами на берег, разгребают гальку; разворачиваются и плывут дальше – умирать.

Малый сырой ветерок кружится и кружит голову... Остро пахнет навозом, гнилым мокрым деревом и талой землей.

Вечерами, перед сном грядущим, люди добреют.

Во дворах на таганках потеют семейные чугуны с варенвом. Пляшут веселые огоньки, потрескивает волглый хвонрост. Задумчиво в теплом воздухе... Прожит еще один день. Вполсили ведутся неторопливые необязательные разговоры – завтра будет еще день и опять будут разные дела. А пока можно отдохнуть, покурить всласть, поворчать на судьбу, зануматься Бог знает о чем – что, может, жизнь – судьба эта самая – могла бы быть какой-нибудь иной – малость лучше?.. А в общем-то, и так ничего – хорошо. Особенно весной.

Степан

В такой-то задумчивый хороший вечер, минуя большак, пришел к родному селу Воеводин Степан.

Пришел он с той стороны, где меньше дворов, сел на консогор, нагретый за день солнышком, и вздохнул. И стал смотреть на деревню. Он, видно, много отшагал за день и крепко устал.

Он долго сидел так и смотрел.

Потом встал и пошел в деревню.

Ермолай Воеводин копался еще в своей завозне – тесал дышло для брички. В завозне пахло сосновой стружкой, махной и остывшими тесовыми стенами. Свету в завозне было уже мало. Ермолай щурись и, попадая рубанком на сучки, по привычке ласково матерился.

...И тут на пороге, в дверях, вырос сын его – Степан.

– Здорово, тять.

Ермолай поднял голову, долго смотрел на сына... Потом высыпался из одной ноздри, вытер нос подолом сатиновой рубахи, как делают бабы, и опять внимательно посмотрел на сына.

- Степка, что ли?
- Но... Не узнал?
- Хот!.. Язви тя... Я уж думал - почудилось.

Степан опустил худой вещмешок на порожек, подошел к отцу. Обнялись, чмокнулись пару раз.

- Пришел?
- Ага.
- Что-то раньше? Мы осенью ждали.
- Отработал... отпустили.
- Хот... язви тя! - Отец был рад сыну, рад был видеть его.

Только не знал, что делать.

- А Борзя-то живой ишо, - сказал он.
- Но? - удивился Степан. Он тоже не знал, что делать. Он тоже рад был видеть отца. - А где он?

- А шалается где-нибудь. Этта, в субботу вывесили бабы бельишко сушить - все изодрали. Разыгрался, сукин сын, и давай трепать...

- Шалавый дурак.
- Хотел уж пристрелить его, да подумал: придешь - обидишься...

Присели на верстак, закурили.

- Наши здоровы? - спросил Степан. - Пишут ребята?
- Ничо, здоровы. Как сиделось-то?
- А ничо, хорошо. Работали. Ребята-то как?..
- Да редко пишут. Ничо вроде... Игнат хвалится. А Максим - на стройке. Ты-то в шахтах, наверно, робил?
- Нет, зачем: лес валили.
- Ну да. - Ермолай понимающе кивнул головой. - Дурь-то вся вышла?
- Та-а... - Степан поморщился. - Не в этом дело.
- Ты вот, Степка... - Ермолай погрозил согнутым пронкуренным пальцем. - Ты теперь понял: не лезь с кулаками куда не надо. Нашли, черти полосатые, время драться.
- Не в этом дело, - опять сказал Степан.

В завозне быстро темнело. И все так же волнующе пахло стружкой и махрой...

Степан встал с верстака, затоптал окурок... Поднял свой хилый вещмешок.

- Пошли в дом, покажемся.
- Немая-то наша, - заговорил отец, поднимаясь, - чуть замуж не вышла. - Ему все хотелось сказать какую-нибудь важную новость, и ничего как-то не приходило в голову.
- Но! - удивился Степан.

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Смех и грех...

Пока шли от завозни, отец рассказывал:

– Приходит один раз из клуба и мычит мне: мол, жениха приведу. Я, говорю, те счас такого жениха приведу, что ты неделю сидеть не сможешь.

– Может, зря?

– Что "зря"? "Зря"... Обмануть надумал какой-то – понлегче выбрал. Кому она, к черту, нужна такая. Я, говорю, танкого те жениха приведу...

– Посмотреть надо было жениха-то. Может, правда...

А в это время на крыльцо вышла и сама "невеста" – крупная девка лет двадцати трех. Увидела брата, всплеснула руками, замычала радостно. Глаза у нее синие, как цветочки, и смотрит она до слез доверчиво.

– Ма-ам, мм, – мычала она и ждала, когда брат подойдет к ней, и смотрела на него сверху, с крыльца... И до того она в эту минуту была счастлива, что у мужиков навернулись слезы.

– А от те "ме", – сердито сказал отец и шаркнул ладонью по глазам. – Ждала все, крестики на стене ставила – сколько дней осталось, – пояснил он Степану. – Любит всех, как дура.

Степан нахмурился, чтобы скрыть волнение, поднялся по ступенькам, неловко приобнял сестру, похлопал ее по спине... А она вцепилась в него, мычала и целовала в щеки, в лоб, в губы.

– Ладно тебе, – сопротивлялся Степан и хотел освободиться от крепких объятий. И неловко было ему, что его так нацеловывают, и рад был тоже, и не мог оттолкнуть счастливую сестру.

– Ты гляди, – смущенно бормотал он. – Ну, хватит, хватит... Ну, все...

– Да пусть уж, – сказал отец и опять вытер глаза. – Вишь, соскучилась.

Степан высвободился наконец из объятий сестры, весело оглядел ее.

– Ну, как живешь-то? – спросил. Сестра показала руками – "хорошо".

– У ей всегда хорошо, – сказал отец, поднимаясь на крыльцо. – Пошли, мать обрадуем.

Мать заплакала, запричитала.

– Господи-батюшки, отец небесный, услыхал ты мои молитвы, долетели они до тебя...

Всем стало как-то не по себе и от ее причета.

– Ты, мать, и радуисся, и горюешь – все одинаково, – строго заметил Ермолай. – Чо захлюпала-то? Ну, пришел, теперь радоваться надо.

– Дак я и радуюсь, не радуюсь, что ли...

– Ну и не реви.

– Было бы у меня их двадцать, я бы не ревела. А то их всего-то трое, и те разлетелись по белу свету... Каменная я, что ли?

– Дак и мне жалко! Ну и давай будем реветь по целым дням. Только и делов...

– Здоровый ли, сынок? – спросила мать. – Может, по хвори по какой раньше-то отпустили?

– Нет, все нормально. Отработал свое – отпустили.

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Стали приходить соседи, родные.

Первой прибежала Нюра Агапова, соседка, молодая, гладкая баба с круглым добрым лицом. Еще в сенях заговорила излишне радостно и заполошно:

– А я гляну из окошка-то: осподи-батюшка, да ить эт Степан пришел?! И правда – Степан...

Степан заулыбался.

– Здорово, Нюра.

Нюра обвела горячими руками соседа, трижды прильнула наголовавшимися вдовьими губами к его потрескавшимся, пропахшим табаком и степным ветром губам...

– От тебя как от печи пышет, – сказал Степан. – Замуж-то не вышла?

– Я, может, тебя ждала. – Нюра засмеялась.

– Пошла к дьяволу, Нюрка! – возревновала мать. – Не крутись тут – дай другим поговорить. Шибко тяжело было, сынок?

– Да нет, – с удовольствием стал рассказывать Степан. – Там хорошо. Я, например, здесь раз в месяц кино смотрю, так? А там – в неделю два раза. А хошь, иди в Красный уголок – там тебе лекцию прочитают: "О чести и совеснти советского человека" или "О положении рабочего класса в странах капитала"...

– Что же, вас туда собрали кино смотреть? – спросила Нюра весело.

– Почему?.. Не только, конечно, кино...

– Воспитывают, – встриял в разговор отец. – Дуракам вправляют.

– Людей интересных много, – продолжал Степан. – Есть такие орлы!.. А есть образованные. У нас в бригаде два инженера было...

– А эти за что?

– Один – за какую-то аварию на фабрике, другой – за драку. Дал тоже кому-то бутылкой по голове...

– Может, врет, что инженер? – усомнился отец.

– Там не соврешь. Там все про всех знают.

– А кормили-то ничего? – спросила мать.

– Хорошо, всегда почти хватало.

Еще подошли люди. Пришли товарищи Степана. Стало колготно в небольшой избенке Воеводиных. Степан снова и снова принимался рассказывать:

– Да нет, в общем-то, хорошо! Вы здесь кино часто смотрите? А мы – в неделю два раза. К вам артисты приезжают? А к нам туда без конца ездили. Жрать тоже хватало... А один раз фокусник приезжал. Вот так берет стакан с водой...

Степана слушали с интересом, немножко удивлялись, гонворили "хм", "ты гляди!", пытались сами тоже что-то рассканзать, но другие задавали новые вопросы, и Степан снова рассказывал. Он слегка охмелел от долгожданной этой встречи, от расспросов, от собственных рассказов. Он незаметно стал даже кое-что прибавлять к ним.

– А насчет охраны – строго?

– Ерунда! Нас последнее время в совхоз возили работать, так мы там совсем почти одни оставались.

– А бегут?

- Мало. Смысла нет.
- А вот говорят, если провинился человек, то его сажают в каменный мешок...
- В карцер. Это редко, это если сильно проштрафился... И то уркаганов, а нас редко.
- Вот жуликов-то, наверно, где! – воскликнул один пронстодушный парень. – Друг у друга воруют, наверно?..

Степан засмеялся. И все посмеялись, но с любопытством посмотрели на Степана.

- Там у нас строго за это, – пояснил Степан. – Там, если кого заметят, враз решку наведут...

Мать и немая тем временем протопили баню на скорую руку, отец сбежал в лавочку... Кто принес сальца в тряпочке, кто пирожков, оставшихся со дня, кто пивца-медовухи в тунеске – праздник случился нечаянно, хозяева не успели поднготовиться. Сели к столу затемно. И потихоньку стало разгоняться неяркое веселье. Говорили все сразу, перебивали друг друга, смеялись... Степан сидел во главе стола, поворачивался направо и налево, хотел еще рассказывать, но его уже плонхо слушали. Он, впрочем, и не шибко старался. Он рад был, что людям сейчас хорошо, что он им удовольствие доставил, позволил им собраться вместе, поговорить, посмеяться. И, чтонбы им было совсем хорошо, он запел трогательную песню тех мест, откуда прибыл.

Прости мне, ма-ать,
За все мои поступки –
Что я порой не слушалась тебя-я!..
На минуту притихли было: Степана целиком захватило сильное чувство содеянного добра и любви к людям. Он заметно хмелел.

А я думала-а, что тюрьма д это шутка.
И этой шуткой сгубила д я себя-я! –
пел Степан.

Песня не понравилась – не оценили полноты чувства раскаявшейся грешницы, не тронуло оно их... И саму грешницу как-то трудно было представлять.

- Блатная! – с восторгом пояснил тот самый простондущий парень, который считал, что в лагерях – сплошное жулье. – Тихо, вы!
  - Что же сынок, баб-то много сидят? – спросила мать с другого конца стола.
  - Хватает. Целые лагеря есть.
- И возник оживленный разговор о том, что, наверно, банбам-то там не сладко.
- И вить, дети небось пооставались!
  - Детей – в приюты...
- А я бы баб не сажал! – сурово сказал один изрядно подвыпивший мужичок. – Я бы им подолы на голову – и ремнем!..
- Не поможет, – заспорил с ним Ермолай. – Если ты ее выпорол – так? – она только злей станет. Я свою смолоду поучил раза два вожжами – она мне со зла немую девку приннесла.

Кто-то поднял песню. Свою. Родную.

Оте-ец мой был природный пахарь,
А я работал вместе с им...
Песню подхватили. Заголосили вразнобой, а потом стали помаленьку выравниваться.

Три дня, три ноченьки старался –
Сестру из плена выруча-ал...

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Увлеклись песней – пели с чувством, нахмурившись, глядя в стол перед собой.

Злодей пустил злодейку пулю
Уби-ил красавицу сестру-у.
Взошел я на гору крутую,
Село-о родное посмотреть:
Гори-ит, горит село родное,
Гори-ит вся родина-а моя-я!..
Степан крепко припечатал кулак в столешницу, заматерился с удовольствием.

– Ты меня не любишь, не жалеешь! – сказал он громко. – Я вас всех уважаю, черти драные! Я сильно без вас сонскучился.

У порога, в табачном дыму, всхлипнула гармонь – кто-то предусмотрительный смотал за гармонистом. Взревели... Песня погибла. Вылезли из-за стола и норовили сразу попасть в ритм "подгорной". Старались покрепче дать ногой в полонвицу.

Бабы образовали круг и пошли, и пошли с припевом. И немая пошла и помахивала над головой платочком. На нее показывали пальцем, смеялись... И она тоже смеялась – она была счастлива.

– Верка! Ве-ерк! – кричал изрядно подпивший мужинчик. – Ты уж тогда спой, ты спой, что же так-то ходить! – Никто его не слышал, и он сам смеялся своей шутке – пронсто закатывался.

Мать Степана рассказывала какой-то пожилой бабе:

– Ка-ак она на меня навалится, матушка, у меня аж в грудях сперло. Я насилиу вот так голову-то приподняла да спрашиваю: "К худу или к добру?" А она мне в самое ухо дуннула:

"К добру!"

Пожилая баба покачала головой.

– К добру?

– К добру, к добру. Ясно так сказала: к добру, говорит.

– Упредила.

– Упредила, упредила. А я ишо подумай вечером-то: "К какому же добру, думаю, мне суседка-то предсказала?" Только так подумала, а дверь-то открывается – он вот он, на пороге.

– Господи, Господи, – прошептала пожилая баба и вынтерла концом платка повлажневшие глаза. – Надо же!

Бабы, плясавшие кругом, вытащили на круг Ермолая. Ермолай недолго думал, пошел выколачивать одной ногой, а второй только каблуком пристукивал... И приговаривал:

"Оп-па, ат-та, оп-па, ат-та..." И вколачивал, и вколачивал ногой так, что посуда в шкафу вздрагивала.

– Давай, Ермил! – кричали Ермолаю. – У тя седня радость большая – шевелись!

– Ат-та, оп-па, – приговаривал Ермолай, а рабочая спинна его, ссугутившаяся за сорок лет работы у верстака, так и не распрямилась, и так он плясал – слегка сгорбатившись, и большие узловатые руки его тяжело висели вдоль тела. Но рад был Ермолай и забыл все свои горести – долго ждал этонго дня, без малого три года.

В круг к нему протиснулся Степан, сыпанул тяжкую, ненчеткую дробь...

– Давай, тять...

– Давай – батька с сыном! Шевелитесь!

– А Степка-то не изработался – взбрыкивает!

- Он же говорит - им там хорошо было. Жрать давали...
- Там дадут - догоняют да еще дадут.
- Ат-та, оп-па!... - приговаривал Ермолай, принаравливаясь к сыну...

Люблю сани с подрезами,
Воронка - за высоту,
Люблю милку за походку.
А еще - за красоту!
- вспоминал Ермолай из далекой молодости.

И Степан тоже спел:

Это чей же паренек
выделяет колена;
Ох, не попало бы ему
Березовым поленом.
Плясать оба не умели, но работали ладно - старались. Людям это нравится;
смотрели на них с удовольствием.

Так гуляли.

Никто потом не помнил, как появился в избе участковый милиционер. Видели только, что он подошел к Степану и что-то сказал ему. Степан вышел с ним на улицу. А в избе продолжали гулять: решили, что так надо, надо, наверное, явиться Степану в сельсовет - оформлять всякие бумаги. Только немая что-то забеспокоилась, замычала тревожно, начала тормошить отца. Тот спьяну отмахнулся.

- Отстань, ну тя! Пляши вон.

Участковый вышел со Степаном за ворота, остановился.

- Ты что, одурел, парень? - спросил он, взглядываясь в лицо Степана.
- Степан прислонился спиной к воротному столбу, усмехнулся.
- Чудно?.. Ничего...
- Тебе же три месяца сидеть осталось!
- Знаю не хуже тебя... дай закурить.

Участковый дал ему папироску, закурил сам.

- Пошли.
- Пошли.
- Может, скажешь дома-то? А то хватятся...
- Сегодня не надо - пусть погуляют. Завтра скажешь.
- Три месяца не досидеть и сбежать!... - опять изумился милиционер. - Прости меня, но я таких дураков еще не встренчал, хотя много повидал всяких. Зачем ты это сделал?

Степан шагал, засунув руки в карманы брюк, узнавал в сумраке знакомые избы, ворота, прясла... Вдыхал знакомый с детства терпкий весенний холодок, задумчиво улыбался.

- А?
- Чего?
- Зачем ты это сделал-то?

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Сбежал-то? А вот – пройтись разок... Соскучился.

– Так ведь три месяца осталось! – почти закричал участковый. – А теперь еще пару лет накинут.

– Ничего... Я теперь подкрепился. Теперь можно сидеть. А то меня сны замучили – каждую ночь деревня снится... Хорошо у нас весной, верно?

– Ну да... – раздумчиво сказал участковый.

Долго они шли молча, почти до самого сельсовета.

– И ведь удалось сбежать!.. Один бежал?

– Троє.

– А те где?

– Не знаю. Мы сразу по одному разошлись.

– И сколько же ты добирался?

– Неделю.

– Тыфу... Ну, черт с тобой – сиди.

В сельсовете участковый сел писать протокол. Степан сидел у стола, напротив, задумчиво смотрел в темное окно. Хмель покинул его голову.

– Оружия никакого нет? – спросил участковый, отвлечясь от протокола.

– Сроду никакой гадости не таскал с собой.

– Чем же ты питался в дороге?

– Они запаслись... те двое-то...

– А им сколько оставалось?

– По много...

– Но им хоть был смысл бежать, а тебя-то куда черт дернул? – в последний раз поинтересовался милиционер.

– Ладно, надоело! – обозлился Степан. – делай свое дело, я тебе не мешаю.

Участковый качнулся головой, склонился опять к бумаге. Еще сказал:

– Я думал, ошибка какая-нибудь – не может быть, чтоб на свете были такие приурочки. Оказывается, правда.

Степан смотрел в окно, спокойно о чем-то думал.

– Небось смеялись над тобой те двое-то? – не вытерпел и еще спросил словоохотливый милиционер.

Степан не слышал его.

Милиционер долго с любопытством смотрел на него. Сказал:

– А по лицу не скажешь, что дурак. – И ушел окончательно в протокол.

В это время в сельсовет вошла немая. Остановилась на пороге, посмотрела испуганными глазами на милиционера, на брата...

– Мэ-мм? – спросила она брата.

Степан растерялся.

- Ты зачем сюда?
- Мэ-мм? – замычала сестра, показывая на милиционера.
- Это сестра, что ли? – спросил тот.
- Но...

Немая подошла к столу; тронула участкового за плечо и, показывая на брата, руками стала пояснять свой вопрос: "Ты зачем увел его?"

Участковый понял.

– Он... Он! – показал на Степана. – Сбежал из тюрьмы! Сбежал! Вот так!.. – Участковый показал на окно и "поканзал", как сбегают. – Нормальные люди в дверь выходят, в дверь! А он в окно – раз и ушел. И теперь ему будет... – Минлиционер сложил пальцы в решетку и показал немой на Степана. – Теперь ему опять вот эта штука будет! два, – растопырил два пальца и торжествующе потряс ими. – Два года еще!

Немая стала понимать. И когда она совсем все поняла, глаза ее, синие, испуганные, загорелись таким нечеловеческим страданием, такая в них отразилась боль, что милиционнер осекся. Немая смотрела на брата. Тот побледнел и занмер – тоже смотрел на сестру.

– Вот теперь скажи ему, что он дурак, что так не делают нормальные люди... Братья ваши небось не сделали бы так.

Немая вскрикнула горянно, бросилась к Степану, понвисла у него на шее.

- Убери ее, – хрипло попросил Степан. – Убери!
- Как я ее уберу?..
- Убери, гад! – заорал Степан не своим голосом. – Увенди ее, а то я тебе расколю голову табуреткой!

Милиционер вскочил, оттащил немую от брата... А она рванулась к нему и мычала. И тряслась головой.

- Скажи, что ты обманул ее, пошутил... Убери ее!
- Черт вас!.. Возись тут с вами... – ругался милиционер, оттаскивая немую к двери.
- Он придет сейчас, я ему дам проститься с вами! – пытался он втолковать ей. – Счас он придет! – Ему удалось наконец подтащить ее к двери и вынтолкнуть. – Ну, здорова! – Он закрыл дверь на крючок. – Фу-у... Вот каких делов ты натворил – любуйся теперь.

Степан сидел, стиснув руками голову, смотрел в одну точку – в пол.

Участковый спрятал недописанный протокол в полевую сумку, подошел к телефону.

– Вызываю машину – поедем в район, ну вас к черту... Ненормальные какие-то.

А по деревне, серединой улицы, шла, спотыкаясь, немая и горько мычала – плакала.

Летит степью паровоз. Ревет.

Деревеньки мелькают, озера, перелески... Велика Русь.

Максим
Максиму Воеводину пришло в общежитие письмо. От матери.

Через поля, через леса, через реки широкие долетел родной голос, нашел в громадном городе.

– Максим! Письмо...

Максим присел на кровати, разорвал конверт и стал чинтать.

В шуме и гаме большой людной комнаты рабочего общежития зазвучал голос матери:

– Здорово, сынок Максим!

Во первых строках нашего письма сообщаем, что мы живы-здоровы, чего и тебе желаем. Стретили на днях Степана. Ничо пришел, справный. Ну, выпили маленько. Верка тоже ничо – здоровая. А отец прихварывает, перемогается. А я, сынок,шибко хвораю. Разломило всю спинушку, и ногу к затылку подводит – радикулит, гад такой. Посоветовали мне тут змеиным ядом, а у нас его нету. Походи, сынок, по аптекам, спрашивай, можа, у вас есть там. Криком кричу – больно. Походи, сынок, не поленись... Игнату тоже написать хотела, а он прислал письмо, что уедет куда-то. А жене его не хочу писать – скажет: пристают. Он чо-то обижается на теня, сынок. Не слушается, говорит. Вы уж там спокойней живите-то, не смешите людей – не чужие небось... Походи, сынок, милый, спрашивай яду-то. Может, поправилась бы я...

Максим склонился головой на руки, задумался. Заболело сердце – жалко стало мать. Он подумал, что зря он так редко писал матери, вообще почувствовал гнетущую свою вину перед ней. Все реже и реже думалось о матери последнее время, она перестала сниться ночами... И вот оттуда, где была мать, замаячила черная беда.

Было воскресенье. Максим надел выходной костюм и пошел в ближайшую аптеку.

В аптеке было мало народа. Максим выбрал за прилавком молодую хорошеньюку девушку, подошел к ней.

– У вас змеиный яд есть?

Девушка считала какие-то порошки. Приостановилась на секунду, еще раз шепотом повторила последнее число, чтобы не сбиться, мельком глянула на Максима, сказала "нет" и снова принялась считать. Максим постоял немного, хотел спросить, как называется змеиный яд по-научному, но не спросил – девушка была очень занята.

В следующей аптеке произошел такой разговор:

– У вас есть змеиный яд?

– Нет.

– А бывает?

– Бывает, но редко.

– А может, вы знаете, где его можно достать?

– Нет, я не знаю, где его можно достать.

Отвечала сухопарая женщина лет сорока, с острым нонсом, с низеньким лбом. Кожа на лбу была до того тонкая и белая, что, кажется, сквозь нее просвечивала кость. Максиму показалось, что женщина доставляет удовольствие отвечать "нет" и "не знаю". Он уставился на нее.

– Что? – спросила она.

– А где же он бывает-то? Неужели в целом городе нет?!

– Не знаю, – опять с каким-то странным удовольствием сказала женщина.

Максимом стала овладевать злость. Он не двигался с места.

– Еще что? – спросила женщина. Они были в стороне от других, разговор их никто не слышал.

– А отчего вы такая худая? – спросил Максим. Он сам не знал, что так спросит, и не знал, зачем спросил, – вылетенло. Очень уж недобрая была женщина.

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Женщина от неожиданности заморгала глазами.

Максим повернулся и пошел из аптеки.

"Что же делать?" – думал он.

Аптека следовала за аптекой, разные люди отвечали одинаково: "Нет", "Нету".

В одной аптеке Максим увидел за стеклянным прилавком парня.

– Нет, – сказал парень.

– Слушай, а как он называется по-научному? – спросил Максим.

Парень решил почему-то, что и ему пришла пора поканзать себя "шибко умным", – застоялся, наверное, на одном месте.

– По научному-то? – переспросил он, улыбаясь. – А как в рецепте написано? Как написано, так и называется.

– У меня нет рецепта.

– А что же вы тогда спрашиваете? Так ведь и живую воду можно спрашивать.

– А что, не дадут без рецепта? – негромко спросил Максим, чувствуя, что его начинает слегка трясти.

– Нет, молодой человек, не дадут.

Это снисходительное "молодой человек" доконало Максима.

– До чего же ты умница! – тихо воскликнул он. – Это же надо такому уродиться!..
– Максим, должно быть, изменился в лице, ибо парень перестал улыбаться.

– Что вы хотите? – серьезно спросил он.

– Хочу тебе клизму поставить, молодой человек.

– Что вам надо?! – опять очень громко спросил парень, явно желая привлечь внимание других людей в аптеке.

Максим вышел на улицу, закурил. В душу вкралось отчаяние.

В одной очень большой аптеке Максим решительно направился к пышной, красивой женщине. Она выглядела принятливее других.

– Мне нужен змеиный яд, – сказал он.

– Нету, – ответствовала женщина.

– Тогда позовите вашего начальника.

Женщина удивленно посмотрела на него.

– Зачем?

– Я с ним потолкую.

– Не буду я его звать – незачем. Он вам не сможет помочь. Нет у нас такого лекарства.

Максим засмотрелся в ее ясные глаза. Ему захотелось вдруг обидеть женщину, сказать в ее лицо какую-нибудь тяжкую грубость, чтобы ясные глаза ее помутились от ужаса. И не то вконец обозлило Максима, что яда опять нет, а то, с какой легкостью, отвратительно просто все они отвечают это свое "нет".

– Позовите начальника! – потребовал Максим.

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

И тут, вместо того, чтобы грубо оскорбить женщину, Максим жалобным голосом вдруг сказал:

– У меня мать болеет.

Женщина оставила официальный тон.

– Ну нет у нас сейчас змеиного яда, я серьезно говорю. Я могу дать вам пчелиный. У нее что, радикулит?

– Ага.

– Возьмите пчелиный. Змеиный не всегда и нужен.

– Давайте. – Максиму было стыдно за свой жалобный тон. – Он тоже помогает?

– У вас рецепт есть?

– Нету.

– А как же?...

– Что?

– Без рецепта нельзя, не могу.

У Максима упало сердце.

– Это такой ма-аленький рецептик, да? Бумажечка такая...

Женщина невольно улыбнулась.

– Да, да. Рецепт выписывает врач, а мы...

– Дайте мне так, а... А я завтра принесу вам рецепт. Дайте, а?

– Не могу, молодой человек, не могу.

На улице Максим долго соображал, что делать. Даже если он и наткнется где-нибудь на змеиный яд, то без рецепта все равно не дадут. Это ясно. Надо сперва добыть рецепт.

По дороге домой зашел на почту и дал матери телеграмму:

"А пчелиный яд надо? Максим".

Долго в ту ночь не мог заснуть Максим – думал о матери. Представил вдруг ее мертвой, да так ясно – гроб на столе, белая простыня, руки белые на груди... Он вскочил и сидя выкурил подряд две сигареты. Кое-как отвязался от страшного наваждения.

Занималось утро. Спокойно, все шире и вольнее растягивался над городом свет, и как-то ближе и роднее стали казаться люди, которых очень много в этих каменных домах... И все-таки никому нет никакого дела, что у Максима болеет мать.

Он оделся и пошел на вокзал – к людям.

На вокзале выбрал себе местечко на диване, сел и стал наблюдать за пассажирами. И самому тоже захотелось вдруг ехать. И показалось, что он едет. За окном – поля, леса, деревеньки, все мелькает. А в деревнях – тоже люди. И так хонрошо сделалось на душе, спокойно.

...Неожиданно прямо перед собой Максим увидел стеклянную дверь, завешенную изнутри марлей, а над дверью – табличка: "Медпункт". Он встал и пошел туда.

на белом стульчике, за белым столом, облокотившись, сидела белая старушка и дремала. Когда вошел Максим, она подняла голову.

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Здравствуйте, - сказал Максим.
- Ну, - ответила старушка. - Чего?
- Мне рецепт надо.
- Какой рецепт?
- На змеиный яд.

Старушка не поняла.

- На какой змеиный яд?

Максима толкнула в грудь надежда: старушка хочет спать и, чтобы отвязаться, подмахнет рецептик.

- На змеиный яд - лекарство такое.
- Я не выписываю рецептов.
- А кто выписывает?
- Врач.
- А когда он будет?
- В девять. - Старушка начала терять терпение. - А для чего те рецепт-то?
- А вы не врач?
- В больницу надо идти за рецептом. А мы не лечим.
- Так это же медпункт?
- Ну и что, что медпункт. Мы - по травмам. Или сердце у кого... В больницу надо идти.
- А у вас печать есть? Больничная...

Старушка рассердилась.

- Тебе чего надо-то? Что ты привязался ко мне?
- Ладно, спи.

Максим вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

В девять часов он пошел на стройку, отпросился с работы и направился в поликлинику.

В бедой стеклянной стенке - окошечко за окошечком - белая девушка. Она долго "заводила" на Максима карточку, потом подала ему талончик. Максим посмотрел - четырнадцатая очередь, на тринадцать тридцать.

- А поближе нету?
- Нет.
- Девушка, милая... - Максим почувствовал, что опять начинает говорить жалостливым тоном, но остановиться не мог. - Девушка, дайте мне поближе, а? Мне шибко надо. Пожалуйста.

Девушка не глядя на него порылась в талончиках, выбрала один, подала Максиму. И тогда только посмотрела на него. Максиму показалось, что она усмехнулась.

"Милая ты моя, - думал растроганный Максим. - Смейся, смейся - талончик-то вот

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru он". Его очередь была шестой, на одиннадцать часов. У кабинета врача сидело членовек десять больных; Максим присел рядом с пожилым мужчиной, у которого была такая застойная тоска в глазах, что, глядя на него, невольно думалось: "Все равно помрем все".

"Прижало мужика", – подумал Максим. И опять вспомнил о матери и стал с нетерпением ждать доктора.

Доктор пришел. Мужчина, еще молодой.

Вышла из кабинета женщина и спросила:

– У кого первая очередь? Никто не встал.

– У меня, – сказал Максим и почувствовал, как его подняла какая-то сила и повела в кабинет.

– У вас первая очередь? – спросил его мужчина с тоской в глазах.

– Да, – твердо сказал Максим и вошел в кабинет совсем веселым и, как ему показалось, очень ловким парнем.

– Что? – спросил доктор, не глядя на него.

– Рецепт, – сказал Максим, присаживаясь к столу.

Доктор чего-то хмурился, не хотел подымать глаза.

– Какой рецепт? – доктор все перебирал какие-то бунмажки.

– На змеиный яд.

– А что болит-то? – доктор поднял глаза.

– Не у меня. У меня мать болеет, у нее радикулит. Ей врачи посоветовали змеиным ядом.

– Ну, так?..

– Ну а рецепта нету. А без рецепта, вы сами понимаете, никто не даст. – Максиму казалось, что он очень толково все объясняет. – Поэтому я прошу: дайте мне рецепт.

Доктора что-то заинтересовало в Максиме.

– А где мать живет?

– В Сибири. В деревне.

– Ну?.. И нужен, значит, рецепт?

– Нужен. – Максиму было легко с доктором: доктор нравился ему.

Доктор посмотрел на сестру.

– Раз нужен, значит, дадим. А, Клавдия Николаевна?

– Надо дать, конечно.

Доктор выписал рецепт.

– Он ведь редко бывает, – сказал он. – Съезди в двадцать седьмую. Знаешь где? Против кинотеатра "Прибой". Там может быть.

– Спасибо. – Максим пожал руку доктору и чуть не вылетел на крыльях из кабинета – так легко и радостно сделалось.

В двадцать седьмой яда не было.

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Максим подал рецепт и затаив дыхание смотрел на аптекаря.

- Нет, - сказал тот и качнул седой головой.
- Как "нет"?
- Так, нет.
- Так у меня же рецепт... Вот же он, рецепт... Вот же он, рецепт-то!
- Я вижу.
- Да ты что, батя? - с таким отчаянием сказал Максим. - Мне нужен этот яд.
- Так нет же его, нет - где же я его возьму? Вы же можете соображать - нет змеиного яда.

Максим вышел на улицу, прислонился спиной к стене, бессмысленно стал смотреть в лица прохожих. Прохожие все шли и шли нескончаемым потоком... А Максим все смотрел и смотрел на них и никак о них не думал.

Потом еще одна мысль пришла в голову Максиму. Он резко качнулся от стены и направился к центру города, где жил его брат.

Квартира у Игната премиенькая. На стенах множество фотографий Игната; и так и эдак сидит Игнах - самодонвольный, здоровый, - напряженно улыбается.

Максима встретила жена Игната, молодая крупная женщина с красивым, ничего не выражавшим лицом. Привстала с тахты...

- Здравствуй, Тамара, - поздоровался Максим.
- Здравствуй.

Максим сел в кресло, на краешек.

- Ты что, не работаешь сегодня? - спросила Тамара.
- Отпросился, - откликнулся Максим, доставая сигареты. - Можно я закурю?
- Кури, я сейчас окно открою.

С улицы в затхленый уют квартиры ворвался шум города.

Максим склонился руками на колени.

- Ты чего такой? Заболел?
- Нет. - Максим расправился. - У тебя знакомых аптекарей нет? Или врач, может?..
- Н-нет... А зачем тебе?

- Мать у нас захворала. Надо бы змеиный яд достать, а его нигде нету. Весь город обошел - нигде нету.

- А что с ней?
- Радикулит, гад такой.
- Нет у меня таких знакомых. Может, у Игната?..
- Он скоро приедет?
- А он не уезжал никуда.
- Как?.. А мне мать написала...

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Они хотели ехать... в Болгарию, кажется, а потом отменили. Он там сейчас – в цирке.

– Я тогда пойду к нему. – Максим встал.

– Ты что-то не заходишь к нам?..

– Да все некогда... Ну, пока.

– Господи, Максим!.. Я совсем забыла сказать: мы же завтра домой едем. Туда – к вам.

– Да?

– Конечно.

Максим долго стоял в дверях, смотрел на Тамару.

– У нас Степан пришел, – к чему-то сказал он.

– Это который в тюрьме был?

Максим улыбнулся.

– Он один у нас...

– Ну да, я понимаю. Он пришел, да?

– Ага, пришел. А вы когда едете?

– В восемь, кажется.

– Я, наверно, успею проводить.

– Приходи, конечно, – разрешила Тамара.

– Ну пока – до завтра.

– До свиданья.

Игнат

Вахтер в цирке поднялся навстречу Максиму.

– Вам к кому?

– К Воеводину Игнату.

– У них репетиция идет.

– Ну и что?

– Репетиция!.. Как "что"? – Вахтер вознамерился не впускать.

– Да пошли вы! – обозлился Максим, легко отстранил старика и прошел внутрь.

Прошел пустым, гулким залом.

На арене, посредине, стоял здоровенный дядя, а на нем, одна на другой, – изящные, как куколки, молодые женщины.

– Але! – возгласил дядя. Самая маленькая женщина на самом верху встала на руки.
– Гоп! – приказал дядя. Маленькая женщина скользнула вниз головой.

Максим замер.

Дядя поймал женщину. И тут с него посыпались все останальные.

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Максим подошел к человеку, который бросал в стороне тарелки.

– Как бы мне Воеводина тут найти?

Человек поймал все тарелки.

– Что?

– Мне Воеводина надо найти.

– На втором этаже. А зачем?

– Так... он брат мой.

– Вон по той лестнице – вверх. – Человек снова запуснил тарелки в воздух.

Игнат боролся с каким-то монголом. Монгол был устранишающих размеров.

– Э-ээ... Друг ситцевый! – весело орал Игнат. – У нас так не делают. Куда ты коленом-то нажал?!

– Сево? – спросил монгол.

– "Сево, сево!" – передразнил сердито Игнат. – На дуншу, говорю, наступил!
дай-ка я тебе разок так сделаю... Монгол взывал.

– А-а!.. Дошло?

Игнат слез с монгола.

– Максим!.. Здорово. Ну, иди погуляй пока, – сказал он монголу. – Я с
брательником поговорю. Здоровый, бугай, а бороться не умеет.

– Неужели ты его одолеешь? – усомнился Максим.

– Хошь, покажу?

– Да ну его. Игнат, я письмо получил из дома...

Пошли в уборную Игната.

– ...Але! – возвещает дядя на манеже. – Гоп! – Маленькая женщина опять бесстрашно скользит вниз.

Человек с испитым лицом бросает вверх тарелки и поет под нос (для ритма, должно быть):

...Или я не сын страны, –
Или я за рюмку водки
Не закладывал штаны...
Какой-то шут гороховый кричит в пустой зал:

– А чего вы смеетесь-то? Чего смеетесь-то? Тут плакать надо, а не смеяться. Во!

– Ну, как они там? Я ж еду завтра к ним! – вспомнил Игнат.

– Мать захворала...

– Но? Что с ней?

– Радикулит. Степка пришел.

– Пришел? Ну, это хорошо. А отец как? Верка...

– Игнат, надо достать змеиного яда. Матери-то. Я втонрой день хожу по городу –
нигде нету.

– Змеиный яд... Это лекарство, что ли?

– Но.

– Тэк, тэк, тэк... – задумался Игнат. – Счас я отпушу своего чайболсана и пойдем ко мне. Попробую дозвониться до кого-нибудь.

Игнат ушел. Максим стал рассматривать фотографии брата на стенах. Их тут было великое множество – Игнат так, Игнат эдак: сидит, стоит, борется, опять стоит и улыбается в аппарат. Лента через плечо, на ленте медали.

– ...Ну а ты как живешь? – вернулся Игнат. Стал одеваться.

– Ничо.

– Все на стройке вкалываешь?

– На стройке.

– Эхх... Максим, Максим...

– Ладно, брось про это.

– Чего "брось"-то? Чего "брось"-то? Жалко же мне тебя, дурака. Упрямый ты, Максим, а – без толку. Так и загнешься в своем общежитии!

– Загнусь – склонишь. И все дело.

– Дело нехитрое. А ты лучше подумай – как не пропасть! Такой красивый парнина, а...

– На квартире жениться?

– Да не на квартире, а – нормально, чтобы не бегать понтом друг к другу из общежития в общежитие. Что, Нинка – плохая баба?

– Для тебя, может, хорошая, для меня – нет. Вообще, не суйся в мои дела.

– Ох ты. Господи!.. "дела"... Пошли.

Опять прошли пустым залом.

– Как жизнь, Савелий Иваныч? – покровительно-снисходительно спросил Игнат у вахтера. Игната просто не узнать: в шикарном костюме, под пиджаком нарядный свинтер, походка чуть вразвалочку – барин.

Вахтер заулыбался.

– Спасибо, Игнат Ермолаич. Хорошо.

– От это правильно! – похвалил Игнат.

Пошли к троллейбусу.

– Мне же тебе помочь охота, дура. давай разберемся...

– Сам разберусь.

– Вижу, как ты разбираешься. Два года на стройке вканывать, и все разнорабочим. Разобрался, называется, что к чему.

– Чем же моя работа хуже твоей?

– Ну, конечно, – научили. У тебя своя-то башка должна быть на плечах или нет?

Они разговаривают мирно, не привлекая ничьего внимания.

Сели в троллейбус.

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Игнат оторвал билеты. Сели на свободное сиденье.

– Ведь тебе уж, слава те Господи, двадцать пять. А ты еще – ничем ничего: штанов лишних нету. Заколачиваешь девяносто рублей – и довольный. Устроился бы по-человенчески – хоть вздохнул бы маленько. А то ведь на себя не похож стал. Я ж помню, какой ты в солдатах ко мне прихондил – любо поглядеть.

Сошли с троллейбуса, пошли двором к подъезду.

– Там, глядишь, курсы бы какие-нибудь кончили... Жить надо начинать, Максим. Пора.

Стали подниматься в лифте.

– Я старше вас и больше вашего хлебнул. Поэтому и гонворою вам... А вы – что Степан, что ты – упретесь как бараны и ничего слушать не желаете.

Приехали.

Игнат позвонил.

Открыла Тамара.

– Цыпонька! Лапочка!.. Что же ты сидишь-то? Я думал, у тебя тут дым коромыслом. Надо ж собираться в дорогу-то!

– А у меня все собрано.

– А подарки! Верке-то надо взять чего-нибудь. Давай, давай, а то магазины закроют, останемся на бобах. Быстро! Не скучись – платье какое-нибудь.

Тамара стала одеваться.

– Вот сапоги купил тяте! – похвалился Игнат. – Глянь. Обрадуется старики. А это шаль – матери... Она здорово хвонрает-то?

– Лежит. Ногу, говорит, к затылку подводит.

Игнат сел к телефону. Заговорил миролюбиво:

– Я хочу, чтоб Воеводины жили не хуже других. Что, мы у Бога телка съели, чтоб нам хуже других жить? Чтоб собрались мы, допустим, с тобой на праздник погулять, так не хуже разных там... Чтоб семьи были – все честь по чести. А то придешь – голодранец голодранцем, аж совестно...

– Если совестно, не якшайся, никто тебя не заставляет.

– Але! – заговорил в трубку Игнат. – Коля? Коль... у меня мать, оказывается, приболела... Ты бы не мог там донстать змеиного яда... Ага. Ну-ка, поинтересуйся. Жду. Совестно, Максим, совестно – честно тебе говорю...

Максим резко встал и пошел к выходу.

– Куда ты?

Вместо ответа Максим крепко хлопнул дверью.

Так же решительно, как шел от двадцать седьмой аптеки, Максим пошел снова туда.

Подошел к старику аптекарю.

– Я к вашему начальнику пройду.

– Пожалуйста, – любезно сказал аптекарь. – Вон в ту дверь. Он как раз там.

Максим пошел к начальнику.

В кабинете заведующего никого не было. Была еще одна дверь, Максим толкнул в нее

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru и ударил кого-то по спине.

– Сейчас, – сказали за дверью.

Максим сел на стул.

Вошел низенький человек, с усами, с гладко выбритыми, до сияния, жирненькими щеками, опрятный, полненький, лет сорока.

– Что у вас?

– Вот. – Максим протянул ему рецепт.

Заведующий повертел в руках рецепт.

– Не понимаю...

– Мне такое лекарство надо. – Максим поморщился – сердце защемило.

– У нас его нет.

– А мне надо. У меня мать хворает. – Максим смотрел на заведующего немигающими глазами: чувствовал, как глаза наполняются слезами.

– Но если нет, что же я могу сделать?

– А мне надо. Я не уйду отсюда, понял? Я вас всех ненанвижу, гадов!

Заведующий улыбнулся.

– Это уже серьезнее. Придется найти. – Он сел к телефону и, набирая номер, с любопытством поглядывал на Максима. Максим успел вытереть глаза и смотрел в окно. Ему было стыдно, он жалел, что сказал последнюю фразу.

– Алле! – заговорил заведующий. – Петрович? Здоров. Я это, да. Слушай, у тебя нет... – тут он сказал какое-то непонятное слово. – Нет?

У Максима сдавило сердце.

– Да нужно тут... пареньку одному... Посмотри, посмотни... Славный парень, хочется помочь.

Максим впился глазами в лицо заведующего. Заведующий беспечно вытянул губы трубочкой – ждал.

– Да? Хорошо, тогда я подошлю его. Как дела-то? Мгм... Слушай, а что ты скажешь... А? да что ты? да ну?..

Пошел какой-то базарный треп: кто-то заворовался, конго-то сняли и хотят судить, какого-то Борис Михалыча. Максим смотрел в пол, чувствовал, что плачет, и ничего не мог сделать – плакалось. Он крепко устал за эти два дня. Он молил Бога, чтобы заведующий подольше говорил, – может, к тому времени он перестанет плакать, а то хоть сквозь землю проваливайся со стыда. А если сейчас вытереть глаза, значит, надо пошевелиться и тогда заведующий глянет на него и увидит, что он плачет.

"Вот морда! Вот падла!" – ругал он себя. Он любил сейнчес заведующего, как никого никогда, наверное, не любил.

Заведующий положил трубку, посмотрел на Максима. Максим нахмурился, шаркнул рукавом пиджака по глазам и полез в карман за сигаретой. Заведующий ничего не сказал, написал записку, встал... Максим тоже встал.

– Вот по этому адресу... спросите Вадим Петровича. Не отчаявайтесь, поправится ваша мама.

– Спасибо, – сказал Максим. Горло заложило, и полунчилось, что Максим пискнул это "спасибо". Он нагнулся голову и пошел из кабинета, даже руки не подал

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru начальнику.

"Вот те ж морда!" – – поносил он себя. Ему было стыдно, и он был очень благодарен начальнику.

На другой день рано утром к Максиму влетел Игнат. Внес с собой шум и прохладу полых асфальтов.

– Максим!.. Я поехал! Будешь провожать-то?..

Максим вскочил с кровати.

– я быстро. А яд-то я достал вчера! Я сейчас...

– Давай. Только – одна нога здесь, другая там! – орал Игнат. – Пятнадцать минут осталось. Жена сейчас икру менчет в вагоне. Я тоже достал флакон.

– Она уже там, Тамара-то? – Максим прыгал по комнате на одной ноге, стараясь другой попасть в штанину.

– Там.

– Сейчас... мигом. Мы в магазин не успеем заскочить? Хотел тоже каких-нибудь подарков...

– Да ты что! – взревел Игнат. – Я что, по шпалам жену догонять буду?!

– Ладно, ладно...

Побежали вниз, в такси.

– Друг, – взмолился Игнат. – Десять минут до поезда. Жми на всю железку! Плачу в трехкратном размере.

Жена ждала Игната у вагона. Оставалось полторы минуты. Она вся изнервничалась.

– Игнат, это... это черт знает что такое, – встретила она мужа со слезами на глазах. – Я хотела чемоданы выносить.

– Порядок! – весело гудел Игнат. – Максим, пока! Крошнка, цыпонька, – в вагон.

Поезд тронулся.

– Будь здоров, Максим!

Максим пошел за вагоном.

– Игнат, передай там: я, может, тоже скоро приеду! Не забудь, Игнат!

– Не-ет!

Максим остановился.

Поезд набирал ходу.

Максим опять догнал вагон и еще раз крикнул:

– Не забудь, Игнат, скажи – приеду!

– Передам!

Надо было уже бежать за вагоном.

– Игнат, скажи!..

Но Игнат уже не слышал.

Уже расходились с перрона люди.

А Максим все стоял и смотрел вслед поезду.

...Уже никого почти не осталось на перроне, а Максим все стоял. Смотрел в ту сторону, куда уехал брат. Там была Родина.

Летит степью поезд.

Кричит...

...Игнат пинком распахнул ворота, оглядел родительский двор и гаркнул весело:

– Здорово, родня!

Тамара, стоящая за ним, сказала с упреком:

– Неужели нельзя потише?.. Что за манера, Игнатий!

– Ничего-о, – загудел Игнат. – Сейчас увидишь, как обрадуются. Э-э... А дом-то новый у них! Я только счас заменил. Степка с отцом развернулись...

Из дома вышел Ермолай Воеводин... Тихо засмеялся и вытер рукавом глаза.

– Игнаха, хрен моржовый, – сказал он и пошел навстречу Игнату.

Игнат бросил чемодан... Облапили друг друга, трижды крест-накрест – поцеловались. Ермолай опять вытер глаза.

– Как надумал-то?

– Надумал...

– Сколько уж не был! Лет пять, однако. Мать у нас занхворала, знаешь?.. В спину что-то вступило... – Отец и сын глядели друг на друга, не могли наглядеться. О Тамаре совсем забыли. Она улыбалась и с интересом рассматривала старика.

– А это жена, что ли? – спросил наконец Ермолай.

– Жена, – спохватился Игнат. – Познакомься.

Женщина подала старику руку... Тот осторожно пожал ее.

– Тамара.

– Ничего, – сказал Ермолай, окинув оценивающим взглядом Тамару – Красивая.

– А?! – с дурашливой гордостью воскликнул Игнат.

– Пошли в дом, чего мы стоим тут! – Ермолай первым двинулся к дому. – Степка-то наш пришел, окаянная душа.

– Как мне называть его? – тихо спросила Тамара мужа. Игнат захохотал.

– Слыши, тятъ!.. Не знает, как называть тебя, – сказал он. Ермолай тихо засмеялся.

– Отцом вроде довожусь. – Он взошел на крыльце, занорал в сенях: – Мать, кто к нам приехал-то!

В избе, на кровати, лежала мать Игната. Увидела Игната, заплакала.

– Игнаша, сынок... приехал?

Сын наскоро поцеловал мать и полез в чемодан. Гулкий, сильный голос его сразу заполнил всю избу.

– Шаль тебе привез... пуховую. А тебе, тятъ, – сапоги. А это – Верке. А это –

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Степке. Все тут живы-здоровы?..

Отец с матерью, для приличия снисходительно сморщившись, с интересом наблюдали за движениями сына – он все доставал и доставал из чемодана.

– Все здоровы. Мать вон только... – Отец протянул длинную руку к сапогам, бережно взял один и стал щипать, мять, поглаживать добротный хром. – Ничего товар... Степнка износит. Мне уж теперь ни к чему такие.

– Сам будешь носить. Вот Верке еще на платье. – Игнат выложил все, присел на табурет. Табурет жалобно скрипнул под ним. – Ну, рассказывайте, как живете? Соскучился без вас. Как Степка-то?

– Соскучился, так раньше бы приехал.

– Дела, тятя.

– "Дела"... – Отец почему-то недовольно посмотрел на молодую жену сына. – Какие уж там дела-то!

– Ладно тебе, отец, – сказала мать. – Приехал – и то слава Богу.

– Ты говоришь – какие там дела! – заговорил Игнат, положив ногу на ногу и ласково глядя на отца. – Как тебе объяснить?.. Вот мы, русские, – крепкий ведь народишко! Посмотришь на другого – черт его знает!.. – Игнат встал, прошелся по комнате. – Откуда что берется! В плечах – санжень, грудь как у жеребца породистого – силен! Но чтобы научиться владеть этой силой, выступить где-то на соревнованиях – Боже упаси! Он будет лучше в одиночку на медведя ходить. О культуре тела – никакого представления. Физкультуры боится, как черт ладана. Я же помню, как мы в школе профанировали ее.

С последними словами Игнат обратился к жене.

Тамара заскучала и стала смотреть в окно.

– ...Поэтому, тятя, как ты хошь думай, но дела у меня важные. Поважнее Степкиных.

– Ладно, – согласился отец. Он слушал невнимательно. – Мать, где там у нас?.. В лавку пойду...

– Погоди, – остановил его Игнат. – Зачем в лавку? Вот и эту привычку тоже надо бросать русскому народу: чуть что – сразу в лавку. – Но отец так глянул на него, что он сразу отступил, махнул рукой, вытащил из кармана толстый бумажник, шлепнул на стол. – На деньги.

Отец обиженно приподнял косматые брови.

– Ты брось тут, Игнаха... Приехал в гости, – значит, сиди помалкивай. Что у нас, своих денег нету?

Игнат засмеялся.

– Ты все такой же, отец.

– Какой?

– Ну... такой же.

– Да ладно вам – сцепились. Что вас лад-то не берет? – вмешалась мать. – Иди в лавку-то. Пошел – дак иди.

Ермолай ушел.

– Сынок... не хотела уж при им спрашивать: как там Максим-то?

– Максим?.. Честно говорить?

– Господи, ну дак а как же?

– Плохо.

Мать вздохнула.

– А чтошибко-то плохо?

– Плохо, потому что дурак... И не слушается. Причем... колосс – сильный, конечно, парень... Приходит как-то с девушки – ничего, хорошая девушка... – Игнат повернулся к жене. – А? Нинка-то.

– Да.

– Двухкомнатная квартира с удобствами, в центре – это же!.. Ну, думаю, поумнел парень. Вызвал его на кухню. "Ты, – говорю, – опять не свалий дурака". А девка – без ума от него. Ну и что? Через неделю – конец: горшок об горшок – и кто дальше. Наш Макся затяял. Она мне звонила потом, девка-то. Чуть не плачет. "Вы, – говорит, – скажите ему, Игнатий Ермолаич, чтобы он не уходил". Скажи ему – хлопнет дверью и поминай как звали.

Матери тяжело было слышать все это про младшего сына. Она не разбиралась в перипетиях дел городских сыновей, ей было горько за младшего.

– Осподи, осподи, – опять вздохнула она. – Помог бы уж там ему как-нибудь.

– Да не хочет! – искренне воскликнул Игнат. – Ну сканжи ей: не стараюсь, что ли!

– Это верно... мамаша: он не хочет никого слушать.

– Отцу-то уж не говорите про него.

В сенях загремело ведро. Шаги...

– Верка идет, – сказала мать.

– Она где работает-то?

– Дояркой.

Вошла немая... Всплеснула руками, увидела брата, кинулась к нему. Расцеловала.

– От она... От мы как. От как, – приговаривал Игнат, чуть уклоняясь от поцелуев. – От мы как брата любим... Ну та... Ну, хватит... Познакомься вот с женой моей.

Вера поглядела на Тамару. "Спросила": "Вот это твоя жена?"

– Ну. А что?.. – Игнат показал: "Хорошая?"

Вера закивала головой и начала целовать Тамару. Тамара улыбалась смущенно.

– Пойдемте, я вам платье привезла, – сказала она. Вера не поняла.

– Верка, иди в горницу – платье мерить.

Вера всплеснула руками и запрыгала по избе, счастливая.

Все были довольны.

– Да хватит скакать-то! – притворно рассердилась мать. – Прям уж обрадуется, так удержу нету.

Тамара с немой ушли в горницу.

– Так у тебя что со здоровьем-то? да! Я ж лекарство принвез – змеиный яд-то, ты просила.

– Вот хорошо-то, сынок, спасибо тебе... Может, подынмусь теперь. Радикулит – измучилась вся. А сказали тут...

Пришел Ермолай.

– А Степан все плотничет? – продолжал расспрашивать Игнат, расхаживая по прихожей в избе.

Отвечал теперь отец:

– Плотничает, ага. Коровник счас рубят. Ничо, хорошо получают. Этта девяносто рублишек принес. Куда с добром!

– Не закладывает?

– Бывает маленько... Так ведь оно что – дело холостое. Соберутся с ребятами, заложут.

– Жениться-то собирается?

– А мы знаем? Помалкивает. Да женится... куда девается... Садись, пока суд да дело пропустим маленько.

– Подождали бы Степку-то.

– Мы по маленькой... Садись.

Из горницы вышла немая в новом платье. Вышла торжественная и смотрела на всех вопросительно и удивленно. И в самом деле, она сделалась вдруг очень красивой. Молча смотрели на нее. Она прошлась раз-другой... сама не выдержала важности момента, опять запрыгала, поцеловала брата. Понтом побежала в горницу, привела Тамару и стала показывать ее всем и хвалить – какая она добрая, хорошая, умная.

Тамаре неловко стало.

Игнат был доволен.

Вера потащила Тамару на улицу, мыча ей что-то на ходу.

...Выпили маленько.

Ермолай склонился головой на руки, сказал с неподдельной грустью:

– Кончается моя жизнь, Игнаха. Кончается, мать ее... А жалко.

– Почему такое пессимистическое настроение?

Отец посмотрел на сына.

– А ты, Игнат, другой стал, – сказал он. – Ты, конечно, не замечаешь этого, а мне сразу видно.

Игнат смотрел трезвыми глазами на отца, внимательно слушал.

– Ты вот давеча вытащил мне сапоги... Спасибо, сынок! Хорошие сапоги...

– Не то говоришь, отец, – сказал Игнат. – При чем тут сапоги?

– Не обессудь, если не так сказал, – я старый человек. Ладно, ничего. Степка скоро придет, брат твой... Он плотничает. Ага. Но, однако, он тебя враз сломит, хоть ты и про физкультуру толкуешь. Ты жидкотел против Степана. Куда там...

Игнат засмеялся: к нему вернулась его необычная весенность-снисходительность.

– Посмотрим, посмотрим, тятя.

– Давай еще по маленькой, – предложил отец.

– Нет, – твердо сказал Игнат.

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Вот сын какой у тебя! – не без гордости заметил станрик, обращаясь к жене. –
Наша порода – Воеводины. Сказал "нет" – значит, все. Гроб. Я такой же был. Вот
Степка скоро придет.

– Ты, отец, разговорился что-то, – урезонила жена станрика. – Совсем уж из ума
стал выживать. Черт-те чего мелет. Не слушай ты его, брехуна, сынок.

Пришли Вера с Тамарой. Тамара присела к столу, а Вера начала что-то
"рассказывать" матери. Мать часто повторяла "Ну, ну... Батюшки мои! фу ты
Господи!"

– Не такой уж ты стал, Игнаха. Ты не обижайся, – понвернулся он к Тамаре. – Он
сын мне. Только другой он стал.

– Перестал бы, отец, – попросила мать.

– Ты лежи, мать, – беззлобно огрызнулся старик. – Ленжи себе, хворай. Я тут с
людьми разговариваю, а ты нас перенбиваешь.

Тамара поднялась из-за стола, подошла к комоду стала разглядывать патефонные
пластинки. Ей, видно, было ненловко.

Игнат тоже встал... Завели патефон. Поставили "Грушицу".

Все замолчали. Слушали.

Старший Воеводин смотрел в окно, о чем-то невесело думал.

Вечерело. Горели розовым нежарким огнем стекла домов. По улице, поднимая пыль,
прошло стадо. Корова Воеводинных подошла к воротам, попробовала поддеть их рогом
– не получилось. Она стояла и мычала. Старик смотрел на нее и не двигался.
Праздника почему-то не получилось. А он давненько поджидал этого дня – думал,
будет большой празднник. А сейчас сидел и не понимал: почему же не вышло
праздника? Сын приехал какой-то не такой... В чем не танкой? Сын как сын, подарки
привез. И все-таки что-то не то.

– Сейчас Степка придет, – сказал он. Он ждал Степку. Зачем ему нужно было, чтобы
скоро пришел Степка, он не знал.

Молодые ушли в горницу; унесли с собой патефон. Игнат прихватил туда же бутылку
красного вина и закуску.

– Выпью с сестренкой, была не была! Хотя вредно вообщще-то.

– Давай, сынок, это ничего. Это полезно, – миролюбиво сказал отец.

Начали приходить бывшие друзья и товарищи Игната. Пришло несколько родных.
Тут-то бы и начаться празднику. А праздник все не наступал. Приходили,
здравовались со станриком и проходили в горницу, заранее улыбаясь. Скоро там
стало шумно, гудел снисходительный могучий бас Игната, смеялись женщины,
дребезжал патефон. Двое дружков Игнанта сбегали в лавку и вернулись с бутылками
и кульками.

– Сейчас Степка придет, – сказал старик. Не было у него на душе праздника, и все
тут.

Пришел наконец Степка. Загорелый, грязный...

– Игнаша наш приехал, – встретил его отец.

– Я уж слышал, – сказал Степан, улыбнулся и тряхнул русыми спутанными волосами.

Старик поднялся из-за стола, хотел идти в горницу, но сын остановил его:

– Погоди, тять, дай я хоть маленько сполоснусь. А то ненудобно даже.

– Ну, давай, – согласился отец. – А то верно – он нанрядный весь, как это... как
артист.

И тут из горницы вышел Игнат с женой.

– Брательник! – заревел Игнат, растопырив руки. – Степка! – И пошел на него.

Степка засмеялся, переступил с ноги на ногу, – видно, застеснялся Тамары.

Игнатий облапил его.

– Замараю, слушай, – Степка пытался высвободиться из объятий брата, но тот не отпускал.

– Ничего-о!.. Это трудовая грязь, братка! дай поцелую тебя, окаянная душа! Соскучился без вас.

Братья поцеловались.

Отец смотрел на сыновей, и по щекам его катились светлые, крупные слезы. Он вытер их и громко высморкался.

– Он тебе подарки привез, Степка, – громко и хвастиливо сказал он, направляясь к чемоданам.

– Брось, тятя, какие подарки! Ну, давай, что ты должен делать-то? делай скорей! Выпьем сейчас с тобой! Вот! Видела Воеводиных? – Игнат легонько подтолкнул жену к брату. – Знакомьтесь.

Степка даже покраснел – не знал: подавать яркой женщины грязную руку или нет. Тамара сама взяла его руку и крепко пожала.

– Он у нас стеснительный перед городскими, – пояснил отец. – А мне – хоть бы хны!

Степка осторожно кашлянул в кулак, негромко, коротко засмеялся: готов был провалиться сквозь землю от таких объяснений отца.

– Тятя... скажет тоже.

– Иди умывайся, – подсказал отец.

– Да, пойду маленько... того... – обрадовался Степан. И пошел в сени. Игнат двинулся за ним.

– Пойдем, полью тебе по старой памяти.

Отец тоже вышел на улицу.

Умываться решили идти на Катунь – она протекала под боком, за огородами.

– Искупаемся, – предложил Игнат и похлопал себя ландонями по могучей груди,

шли огородами по извилистой, едва приметной тропке в буйной картофельной ботве. Отец – сзади сыновей.

– Ну, как живете-то? – басил Игнат, шагая вразвалку между отцом и братом. Он все-таки изрядно хватил там, с друзьями.

Степка улыбался. Он был рад брату.

– Ничего.

– Хорошо живем! – воскликнул отец. – Не хуже городских.

– Ну и слава Богу! – с чувством сказал Игнат. – Степан, ты, говорят, нагулял тут силенку?

– Какая силенка!.. Скажешь тоже. Как ты-то живешь?

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– я хорошо, братцы! Я совсем хорошо. Как жена моя вам? Тять?

– Ничего. Я в них нешибко понимаю, сынок. Вроде нинчего.

– Хорошая баба, – подхватил Игнат. – Человек хороший.

– Шибко нарядная только. Зачем так?

Игнат оглушительно захохотал.

– Обыкновенно одета! По-городскому, конечно. Поставали вы в этом смысле.

– Чего-то ты много хохочешь, Игнат, – заметил станрик, – как дурак какой.

– Рад, поэтому смеюсь.

– Рад... Мы тоже рады, да не ржем, как ты. Степка вон не рад, что ли? А он улыбается – и все.

– Ты когда жениться-то будешь, Степка? – спросил Игнат.

– Не уйдет, куда торопиться.

Пришли к реке.

Игнат первый скинул одежду; обнажив свое красивое тренированное тело, попробовал ногой воду, тихонько охнулся.

– Мать честная! Вот это водичка!

– Что? – Степан тоже разделся. – Холодная?

– Ну-ка, ну-ка? – заинтересовался Игнат. Подошел к брату и стал его похлопывать и осматривать со всех сторон, как жеребца. Степка терпеливо стоял, смотрел в сторону, беспрерывно поправляя трусы, улыбался.

– Есть, – закончил Игнат. – Есть, братишко. давай понпробуем?

– Да ну! – Степка недовольно тряхнул волосами.

– А чего, Степка? Поборись! – Отец с укором смотрел на младшего. – Не под бабой лежать...

– Бросьте вы, на самом деле, – упрямо и серьезно скандал Степка. – Чего ради сгребаемся? На смех людям?

– Тьфу! – рассердился отец. – Ты втолкуй ему, Игнат, ради Христа! Он какой-то телок у нас – всего стесняется.

– А чего тут стесняться-то! Если б мы какие-нибудь дохныые были, тогда действительно стыдно.

– Объясни вот ему!

Степка нахмурился и пошел к воде. Сразу окунулся и понплыл, сильно загребая огромными руками; вода вскипала под ним.

– Силен! – с восхищением сказал Игнат.

– Я же тебе говорю! Он бы тебя уложил.

– Не знаю, – не сразу ответил Игнат. – Силы у него больше, это ясно.

Отец сердито высморкался на песок. Игнат постоял еще немного и тоже полез в воду. А отец пошел вниз по реке, куда выплывал Степка. Когда тот вышел на берег, они о чем-то негромко и горянчо разговаривали. Отец доказывал свое, даже прижал к груди руки. Игнат подплыл к ним, они замолчали.

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Игнат вылез из воды и задумчиво стал смотреть на далекие синие горы, на
многочисленные острова.

– Катунь-матушка, – негромко сказал он.

Степка и отец тоже посмотрели на реку.

На той стороне на берегу сидела на корточках баба с высоко задранной юбкой,
колотила вальком по белью; ослепительно белели ее тупые круглые коленки.

– Юбку-то опусти маленько, ай! – крикнул старик.

Баба подняла голову, посмотрела на Воеводиных и продолжала молотить вальком
белье.

– Вот халда! – с возмущением негромко сказал станник. – Хоть бы хны ей!

Братья стали одеваться.

Хмель у Игната прошел. Ему что-то грустно стало.

– Чего ты такой? – спросил Степка, у которого, наоборот, было очень хорошее
настроение.

– Не знаю. Так просто.

– Не допил, поэтому, – пояснил старик. – Ни два ни полтора получилось.

– Черт его знает. Не обращайте внимания. давайте посиндим, покурим...

Сели на теплые камни... Долго молчали, глядя на волны. Солнце село на той стороне,
за островами. Троє смотрели на родную реку, думали каждый свое... Игнат присмирел.

– Что, Степа? – негромко сказал он.

– Ничего, – Степка бросил камешек в воду.

– Все строгаешь?

– Строгаем.

Игнат тоже бросил в воду камень. Помолчали.

– Жена у тебя хорошая, – сказал Степан. – Красивая.

– Да? – Игнат оживился, с любопытством, весело посмотрел на брата. Сказал
неопределенно: – Ничего. Тяте вон не нравится.

– Я не сказал, что не нравится, чего ты зря? – Старик неодобрительно посмотрел
на Игната. – Хорошая женщина. Только, я считаю, шибко фартовая.

Игнат захохотал.

– Ты у нас приблудненный, тять! Ты знаешь, что такое фартовая-то?

Отец отвернулся к реке, долго молчал – обиделся. Потом повернулся к Степке и
сказал сердито:

– Зря ты не поборолся с ним. Ну хоть в ухо стукнитесь?

– Вот привязался! – удивился Степка. – Ты что?

– Заело что-то тятю, – сказал Игнат. – Что-то не нравится ему.

– Что "не нравится"? – повернулся к нему отец.

– Не знаю. На душе у тебя что-то не так, я же вижу.

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Тышибко грамотный стал, прямо спасу никакого нет. Все ты видишь, все понимаешь!

– Будет вам! – сказал Степка. – Чего взялись? Нашли время...

– Да ну его! – Отец высыпался и полез за кисетом. – Приехал, расхвастался тут... Подарков навез, подумаешь!

Игнат даже растерялся.

– Тять, да ты что, на самом деле?

Степан незаметно толкнул его в бок – "не лезь".

– А то – уехали, на метре там разъезжают!.. "Хорошо живем!" Ну и живите, хрен с вами! Тот дурак молодой – тонже... Чего ты его сманил туда, Максима-то? Что он там ошивается? Гнать его надо оттуда, а ты подучиваешь, как ему скорей квартиру с сортиром получить. Умник!

– Ну и тут тоже – не рай, – рассердился и Игнат. – Что он тут будет делать, молодой парень? Ни выйти никуда...

– А Степка что делает?

– И Степке, думаю, не сладко... Привык просто. Невелинка услада – топором всю жизнь махать.

– Так если уж вы там такие умные стали – приезжайте, садитесь на машины да работайте. Вон их сколько!.. Город без вас не обедняет, я думаю. И жизнь счастливее не танкая уж захирелая. Самим ее надо делать, а не гоняться за рублем сломя голову. Или вы на готовенькое приедете? Трепанчи!.. Да еще хващаются приезжают... Подарки везут. Нужны они мне, твои подарки, как гармошка попу. Поп, он с кадилой проживет, а мы без твоих хромовых сапог обойдемся.

– Ну тять... я не знаю. Я хотел как лучше...

– "Лучше"... Умные люди делом занимаются – вот это лучше. А ты дурочку валяешь. И не совестно? Сильный, как иди вон лес валить – там нуждаются. Кто ее тебе дал, силушинку-то? Где ты ее взял?.. Здесь? Здесь и тратить надо. А ты – хвост дудочкой и завеялся в город: смотрите, какой я сильный! Бесстыдник! Дед твой был бы живой, он бы тебе поканзал силу. Он бы тебя в узелок завязал с твоей силой, хоть и старик был. У него вот была сила! Так его добром люди споминают, не зря прожил. А ты только людей смешить ездишь по городам. "Культура тела"! Он вот зря не хочет стукнуться с тобой, – Ермолай показал на Степана, – а то бы ты улетел со своей культурой тела... в воду вон.

– Ну хватит. – Степан поднялся. – Тять, пошли домой.

– У тебя деньги есть? – спросил тот.

– Есть. Пошли.

Старик поднялся и не оглядываясь пошел первым по тропке, ведущей к огородам. Игнат и Степан шли сзади.

– Чего он? – Игната не на шутку встревожило настроение отца...

– Так... Ждал тебя долго. Сейчас пройдет. Песню спой с ним какую-нибудь.

– Какую песню? Я их перезабыл все. А ты поешь с ним песни?

– Да я ж шутейно. Я сам не знаю, чего он... Пройдет.

Опять шли огородом друг за другом, молчали. Игнат шел за отцом, смотрел на его сутулую спину.

– У него, что, слушай, – действительно одно плечо ниже или пиджак так идиотски пошит? – спросил Игнат тихонько.

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Степан посмотрел на отца, пожал плечами.

– Не знаю. Что-то не замечал.

...Утро. Степан с отцом вкалывали на дворе большой вонротный столб.

Подошли плотники с топорами и ножовками за поясами. Поздоровались.

– Чего это вы? – спросил один из плотников. – С утра пораньше...

Ермолай нахмурился и ничего не сказал. Степан усмехнулся.

– Братенъ вчера силенку пробовал.

– Неужели выдернул? Не может быть...

Ермолай строго посмотрел на того, кто усомнился.

– Может, попробуешь поборешься с ним?

– Из меня борец...

– Он с женой приехал?

– С женой, – ответил Степан. – Жена мировая.

– Здорово гульнули вчера?

– Маленько гульнули, – хотел соскромничать Ермолай и тут же добавил: – Ефим Галюшкин на карачках домой ушел. Седня прибежал похмеляться, говорит: все руки вчера отдавили.

Посмеялись.

– Ну-ка, помогите.

Взялись за столб, подняли насколько можно и всадили в ямку.

– Будь здоров, Игнаха, – сказал при этом один из плотников. – Валяй на здоровье городских силачей, чтоб знали наших.

Ермолай разгладил бороду.

– У его шешнадцать орденов одних, – сказал он. – Вченра фотокарточку показывал.

– Медалей, – поправил Степан.

– Ну – медалей. Какого-то немца так, говорит, прилонжил – у того аж в пояснице что-то хрустнуло. Весь в меня, подлец. Я в парнях когда был, одного сосняковского мужика задел, подрались чего-то с ними, – он весь свой век одним ухом не слышит. А счас вот...

– Ну, доделаешь тут, – сказал Степан. – Пойду. – Он пошел в дом за топором.

– Красивая, говоришь, жена?

– Да им глянется, а мне что?.. Восемьдесят рублишек ухнули вчера, – опять вернулся Ермолай к волнующей его теме. – Было дело.

– А где жена-то работает? Тоже циркачка?

– А шут ее знает, я не спросил. Ничо,уважительная банбенка. Меня – "папаша", "папаша"... Весь вечер от меня не отходила. Одетая с иголочки. Спят ишо. – Ермолай кивнул на дом.

Вышел Степан. Улыбался.

Ваш сын и брат. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Проснулся. Рассол дует.

Еще когда мужики только подошли, из дома вышла немая Вера, увидела посторонних, вернулась, надела вчерашнее дареное платье и прошлась по двору, вроде по делу. Понтом ушла в дом, опять сняла его и пошла на работу в своем обычном.

...Шли по улице неторопливо. Разговаривали.

– Про Москву-то рассказывал? – все пытали Степана.

– Говорил маленько...

– А вот что, правда или нет, говорят, на Кремле-то часы величиной с колесо? – спросил один невысокий, болезненный на вид мужичок.

– Я слыхал – больше, – возразил другой.

– Да какую же надо пружину, чтоб они ходили?

– Может, они не от пружины ходют. Может, специально движок какой-нибудь есть.

Немая, которая шла с ними вместе, свернула в переулок. Под селом, из-за гор, вставало огромное солнце. Там и здесь хлопали калитки, выходили на работу. Ночью прошел небольшой дождик. Умытая земля парила под первыми лучами, дышала всей грудью. Идут улицей плотники – строить.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!